

ПАВЕЛ ЗАЙЦЕВ

Записки пойменного жителя

«ЗАПИСКИ ПОЙМЕННОГО ЖИТЕЛЯ» – ЭТО УНИКАЛЬНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О БЫЛОЙ КРАСОТЕ МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОЙ ПОЙМЫ ВПЛОТЬ ДО ЕЁ ЗАТОПЛЕНИЯ ВОДАМИ РЫБИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА.

В ПЕРВОЙ ЧАСТИ КНИГИ ВЕДЕТСЯ ПОДРОБНЫЙ РАССКАЗ О БЫЛОЙ ЖИЗНИ УДИВИТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЫ МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ПОСВЯЩЕНА ОБЫЧАЯМ И НРАВАМ ЖИВШИХ ТАМ ЛЮДЕЙ.

КНИГА ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕННЕЙШИМ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИМ ДОКУМЕНТОМ.

КНИГА ИЛЛЮСТРИРОВАНА ОРИГИНАЛЬНЫМИ АКВАРЕЛЯМИ ПО МОТИВАМ ПРОЗЫ ПАВЛА ЗАЙЦЕВА, ПОКАЗЫВАЮЩИМИ ЖИЗНЬ, ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД, БЫТ И ПРАЗДНИКИ МОЛОГЖАН

БЫЛАЯ ЖИЗНЬ ДИКОЙ ПРИРОДЫ ПОЙМЫ

(Из главы «Село Борисоглеб»)

В среднем течении реки, как раз напротив деревни Новинка-Скородумово – на правом берегу, находилось и древнее село Борисоглеб. Оно утопало в зелени берез, лип и елей; в нем располагалось старинное поместье именитого в ту пору графа Мусина-Пушкина...

В конце XIII века граф распорядился посадить возле своего дома даже сибирские кедры. К началу нынешнего столетия они вымахали в огромные деревья. В густой хвое которых шумели ветры, а в тихие дни и ночи кедры беззвучно темнели своим изумрудом среди лип и берез.

**БЫЛАЯ ЖИЗНЬ ЛОДЕЙ ПОЙМЫ
Из главы «Приход весны и
водополицы»)**

Наступал разлив. Реки затопляли окрестные луга, поля, леса, деревни. Так было из века в век. Человек к этому привык.

Все живое во время половодья спасалось. Жители деревень ездили от дома к дому, от сарая до двора на лодках. Лошади и коровы, овцы и свиньи, кошки и собаки, курицы и гуси – все домашние животные и птицы загонялись на специальные плоты—лабазы и на повети над скотными дворами. Для мелкой скотины: овец, телят, поросят – на поветях делались бревенчатые помосты, куда их и загоняли. Для лошадей и коров устраивались плоты из многих толстых бревен с загородками по краям».

Из главы «Мологская вода и шекснинская стерлядь»

«В жаркие дни мы купались по многу раз в день. Любили нырять на двухсаженную глубину с лодок или с гонок леса за монеткой, заранее брошенной в воду. Нырнешь, откроешь глаза и на дне реки увидишь все как на ладони.

Мягкая, чистая вода Мологи любилась всем людям – и местным жителям, и тем, кто по какому - либо случаю оказывался на её берегах».

Из главы «Сенокос и скотоводство»

Междуречье славилось заливными лугами. Сена здесь собирали до восьми миллионов пудов (500 тн). Оно являлось главным предметом сбыта (торговли). Крупного рогатого скота в уезде было 25000, мелкого – 35000, а лошадей – 25000 голов.

Сенокосные угодья междуречья были настолько богаты травой, что тамошние крестьяне в сенокосную страду ежегодно забивали сеном все обширные свои сараи, повети над скотными дворами и метали множество стогов прямо на лугах, где росла трава. Метали стога так, что никакой дождь их никогда не пробивал. Внутри сено было сухое, шуршащее, светло-зеленое.

Народ говорил: **«Напой коня мологской водой и дай ему шексинского сена – тогда коню можно не давать овса».**

Из главы «Гулянья молодых и праздники пожилых»)

«Весело в междуречье проводились свадьбы. Обычно зимой, в Святки, в разгар молодежных бесед и сборищ, начинались и помолвки молодых пар, затем – сватания, ну а дальше и за свадебку.

Гости приезжали на разукрашенных ручными поделками санках-повозках, на санях-креслах с плетеными из прутьев постельниками, в повозках с облучками, и всё это теснилось вдоль свадебной избы.

Четыре, пять дней длились наши пойменские свадьбы. Пили, ели, плясали на них не только непосредственные гости, родственники жениха и невесты. На свадьбы был вход всем свободный – заходи, веселись – в доме праздник».

(от автора)

«Я ясно помню 30-е годы. Сколько было шума, безудержного ажиотажа вокруг гидростроительства на Верхней Волге.

Только вот сельские, деревенские, хуторские жители не сразу узнали о плане затопления родной земли, земли на которой они веками безбедно жили. А узнав, пришли не то чтобы в уныние, а в полное душевное расстройство. Они не знали, к кому обратиться за помощью, как отвоевать право жить на своей земле.

И все-таки не верилось, что такая богатая земля будет затоплена. Поуспокоившись, молодого-шекснинские крестьяне продолжали привычную жизнь».

Из главы «Гибель»

«...От местных жителей не один раз слышал рассказы о том, что Петр Первый посылал русских мужиков-лесорубов за той янской сосной. На судостроительных верфях царь приказывал делать корабельные мачты для русского военно-морского флота только из янской сосны.

С постройкой рыбинского гидроузла легендарная сосна канула в лету. Под стать янской сосне росли и дубы. Толщина тех дубов у корня нередко достигала даже больше двух мужицких ручных обхватов. Дубы росли сплошными рощами. Жители мешками собирали осенью желуди и кормили ими поросят».

Из главы «Гибель»

....За три года до затопления волголаговские заключенные спилили весь высоковыростный лес. Его увязывали в огромные пучки с расчетом, что те пучки при затоплении поймы всплывут на поверхность, а после будут выловлены и пущены в дело - на хозяйственные нужды страны. Оно так и получилось. Но не совсем – вышла промашка с дубьями. Дубовая древесина из-за своей тяжести на поверхность воды не всплыла, а так и осталась лежать в связках на том месте, где и росла. И ныне, глубоко ушедшая в заилившуюся почву, она и покоится на дне Рыбинского водохранилища»

Из главы «Гибель»

«Во время переселения лбы молодого-шекснинских мужиков не просыхали от пота, а к старым мозолям на их руках, заработанных на пойменной земле, прибавились новые и новые, превращая мужицкие ладони в одну шершавую корку. Рубахи от солёного пота прикипали к спине. Работали они не зная времени и отдыха, валились с ног, а руками всё работали. И про сон-то люди забывали».

«Тяжеленные брёвна приходилось возить лошадьми. А переваливать их на телеги с мужицкой спины. Поистине, каторжный ручной труд. Одно утешение, что своё добро спасаешь, за свою жизнь борешься. Не вывезешь – как жить на новом месте.

Много хлебнуть досталось и женщинам. Пойменские бабы во время переселения кружились как обалделые. Надо было домашний скарб укладывать, детей в дорогу собирать, о скотине заботиться, корма ей запасти, провианта для семьи заготовить, кухню походную на плоту устроить так, чтобы было удобнее накормить своих мужей и детей».

Перевозка разобранных домов на подводах.
Фотография 1939 года. Копия

«На плоту вместе с родителями было шестеро моих сестёр, одна другой меньше. Тут же лошадь, корова, овцы. Так все они, горемычные, пыли сначала по Мологе, потом по Волге. Не доплыв несколько вёрст до Рыбинска, плот в одну из ночей потерпел аварию. В ту ночь вверх по Волге буксирный пароход тянул караван барж. Как одна из барж задела за угол родительского плота, то неведомо. Сплотка и обухтовка плота были не ахти какие крепкие – всё самоделка, и от удара баржи о плот с него полетели в воду сложенные грудой косяки окон сруба, треснули стёкла в рамах, покатились в Волгу посуда, утварь.

В заключении:

«... Страшное, великое переселение – трагедия страны, трагедия для молоджан и шекснинцев, слезное прощание со своей землёй-матерью, на которой жили они сами и столетиями жили их предки. Прощание – навсегда» П. Зайцев

Много горя и лишения досталось жителям Молого-Шекснинской поймы. Только-только они успели обустроиться, отстроиться на новом месте – грянула новая беда. В 1941 году здоровые мужики ушли на фронт. И недостроенные, не до конца обихоженные до конца мужицкими руками хозяйства остались на руках баб, стариков и детей...

«.. И те мужики в абсолютном большинстве погибли на фронтах войны, оставив своим жёнам-вдовам, сыновьям, дочерям, внукам как великую память о себе переселенческие дома Молого-Шекснинской поймы. Многие тысячи тех домов стоят до сих пор».

ДО СВИДАНИЯ.

ВСЕМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ
